

товые?), и ранг классифицируемых единиц (не соподчинены ли национальные, классовые, семейные обычаи?). Есть и нечеткости более частного характера. Так, непонятно, почему в пятом разделе выбор женой фамилии мужа при вступлении в брак поставлен чуть ли не в один ряд с преступлениями, составляющими пережитки местных обычаев. «Право на фамилию — это личное право гражданина, и уступка в этом вопросе устаревшим обычаям должна быть расценена, по меньшей мере, беспринципностью» (оставляем стиль оригинала.— *Ред.*) (стр. 831. Между тем ясно, что хотя пределы выбора фамилии действительно регулируются законом, в рамках последнего любой выбор — вопрос сугубо личный. Да и подготовлены ли народы Карачаево-Черкесии этнопсихологически к выдвигаемой автором пусть только нравственной максиме? Ведь и у других народов СССР пока еще абсолютно преобладает выбор обоними брачующимися фамилии мужа.

Однако такие частности не должны затмевать главного. Карачаево-Черкесия одной из первых среди автономных республик и областей Северного Кавказа еще в начале 1960-х годов развернула активную работу по внедрению в быт новых обычаев и обрядов. Карачаево-Черкесский научно-исследовательский институт первым среди исследовательских учреждений региона выпустил содержательную коллективную монографию о формировании прогрессивных традиций. И поэтому рецензируемая книга представляет собой заметное событие в кавказоведении вообще, этнографическом кавказоведении в частности.

Я. С. Смирнова

Ю. В. Гагарин. История религии и атеизма народа коми. М., 1978, 326 с.

Рецензируемая книга представляет собой солидное научное исследование, посвященное истории религии и атеизма народа коми. Ее можно считать заметным вкладом в научную разработку этой сложной и важной проблемы. Материал книги имеет существенное значение не только для истории, идеологии и духовной культуры коми народа, но и для советского религиоведения в целом. Выход подобных книг по отдельным национальным республикам позволит создать обобщающие работы о месте и роли религии и атеизма в истории всей нашей страны. Работа Ю. В. Гагарина вызывает интерес и в методологическом плане. Насколько нам известно, рецензируемая книга является одной из первых, где последовательно излагается история религии и атеизма конкретного народа с древнейших времен до наших дней.

Книга написана на базе обширных архивных материалов и литературных источников, имеющих прямое или косвенное отношение к рассматриваемой проблеме, которым дана критическая оценка; высказываются оригинальные суждения по ряду положений, содержащихся в трудах дореволюционных и советских авторов. При написании разделов о современном состоянии религиозных пережитков в республике Ю. В. Гагарин использовал материал, собранный им во время многолетних этнографических экспедиций. Следует указать, что автор уже издал по затрагиваемой проблеме немало публикаций, положительно оцененных специалистами и общественностью¹.

Рецензируемая монография состоит из введения, пяти глав и заключения. В одном из разделов первой главы дается характеристика дохристианских верований древних коми. На основании этнографических, археологических, летописных, житийных и других источников автор реконструирует древние верования коми. В книге содержится интересный материал о персонажах демонологии, таких, как «ворса» (дух леса), «куль», «васа» (дух воды), «олысь» (дух дома) и др. Заслуживает внимания и описание «шевы» — материализованного представления о духе болезней, а также своеобразного представления коми о двух душах: внутренней (лов) и внешней (орт). Ю. В. Гагарин устанавливается также на религиозных верованиях коми в условиях начавшейся классовой (феодальной) дифференциации, когда происходит не только дальнейшее абстрагирование верований, но и возникают представления об иерархии в мире духов. Характеризуя древние религиозные верования, обряды и другие элементы дохристианской религии пермских этнических групп, автор попытался выявить, хотя в ряде случаев и схематично, их истоки и причинные взаимосвязи, наметить и проследить пути последующей эволюции.

Большое место в монографии Ю. В. Гагарина отведено христианизации пермских племенных объединений — перми Вычегодской, перми Великой и т. п. Охарактеризованы особенности миссионерской деятельности Стефана Пермского и его последователей, дано аргументированное и по ряду аспектов оригинальное объяснение сравнительной «легкости» обращения коми-язычников в христианскую веру. Автор высказывает и, на наш взгляд, убедительно аргументирует мысль о том, что христианизация в Коми крае наталкивалась в основном на сопротивление местной родо-племенной знати, но находила известную поддержку среди общинников. Немаловажное значение для

¹ См.: Ю. В. Гагарин. Религиозные пережитки в Коми АССР и их преодоление. Сыктывкар, 1971; его же. Старообрядцы. Сыктывкар, 1973, и др.

христианизации имели экономические и этнокультурные связи пермян с русским народом. Автор признает и показывает относительно прогрессивное значение христианизации. Вместе с тем он с марксистско-ленинских методологических позиций показывает противоречивый характер этого процесса. Автор подчеркивает мысль о том, что замена одной религии другой не могла существенно изменить характер духовного рабства народных масс и что христианизация Коми края лишь усилила духовное порабощение и феодальный гнет, под которым находились народные массы. Утверждаясь здесь православная церковь всячески пресекала недовольство крестьянства, поддерживала несправедливость и национальный гнет, тормозила общественное развитие, играла реакционную роль во всех областях культурной жизни трудящихся коми.

Особый интерес вызывает раздел, раскрывающий тактику православной церкви, умело использовавшей местные традиции и бытовавшие еще языческие верования в целях насаждения и закрепления христианской идеологии и обрядности. Вот почему долго сохранялись и еще кое-где бытуют многие элементы языческих верований.

Обращает на себя внимание точка зрения автора в вопросе о времени и последовательности христианизации отдельных пермских этнических образований. В частности, он, в отличие от Л. П. Лашука², считает, что Лузская пермь была обращена в христианскую веру позднее перми Вычегодской. Приводится соответствующая аргументация. Нам представляется, что решение этой проблемы требует дополнительных исследований. Устюг, как опорный пункт христианизации на Севере, имел, надо полагать, уже крепкие тылы и свои опорные пункты среди пермян перед тем, как началась миссионерская деятельность Стефана Пермского на Вычегде. Строительство Спасского (Спаспорубского) и других городков на Лузе было связано с уже прочно утвердившейся здесь христианской верой, существенным влиянием Устюга, построенного в 1212 г.

Монография содержит написанную на основе широкого круга источников главу о религиозных верованиях в Коми крае в период феодализма, когда продолжался процесс приспособления языческой обрядности к нуждам новой религии. Церковь осуществляла функции не только идеологические, но и административные и даже полицейские. Такой церковный обряд, как исповедь, был возведен в степень государственной повинности. В книге Ю. В. Гагарина приводятся интересные данные, свидетельствующие о том, что значительная часть крестьян игнорировала церковные обряды. Это можно, на наш взгляд, квалифицировать как известное проявление народного свободомышля.

С большим интересом читаются страницы, посвященные борьбе местных крестьян против монастырей, духовенства. Хорошее впечатление производит раздел об истории старообрядчества на Печоре, на Вычегде и в других местах Коми Севера. Обстоятельно раскрыты причины его распространения и укрепления, характер его влияния на мировоззрение части народа коми. Вопрос о распространении старообрядчества среди коми интересен не только в социально-религиозном, но и в этническом плане. Дело в том, что среди «кинородцев» старообрядчество укоренилось только среди коми и небольшой части карелов; важно установить, что явилось причиной этого.

В последующих главах подробно раскрывается роль православной церкви в укреплении политико-идеологических устоев самодержавия в период разложения феодально-крепостнического строя и развития капиталистических отношений. Автор показывает, что одним из главных средств религиозного воздействия являлся культ, в котором нашли отражение и национальные традиции. С ростом классового самосознания трудящихся, с распространением атеистических взглядов церковь в Коми крае расширяет свою проповедническую деятельность, усиливает контроль над воспитанием детей в духе покорности идеям самодержавия и религии. Автор на конкретных примерах показал истинность утверждений В. И. Ленина о том, что с угрозой самодержавию со стороны революционных масс народа клерикализм, ранее существовавший в скрытой форме, сделался явным³. В рецензируемой книге освещаются объективные и субъективные причины более позднего и ограниченного проявления клерикализма в Коми крае. В этих же главах характеризуются изменения, происходящие в оппозиционных официальной церкви религиозных группировках; автор показывает, что в период капитализма старообрядчество в Коми крае утратило форму социального протеста народных масс и стало отражать интересы деревенской буржуазии. Заслуживает внимания рассмотрение ранее малоизвестного религиозного течения в православии «бурсыльсы» как религиозного движения, не только отражавшего социальные и национальные чаяния коми крестьянства, но и распространявшего и закреплявшего в нем мистические настроения и в силу этого игравшего реакционную роль.

В книге прослеживается проявление и развитие скрытых и открыто выраженных антиклерикальных настроений коми крестьянства, свободомышля, религиозного индифферентизма, атеистических настроений. Эти явления отразились и в фольклоре. В устном народном творчестве есть немало сказок, поговорок, пословиц, проникнутых антипоповскими, антицерковными и антирелигиозными идеями. К сожалению, в книге о

² Л. П. Лашук. Формирование народности коми. М., 1972, стр. 92.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, с. 432.

них сказано мало. На наш взгляд, социальной психологии народа, выраженной в фольклоре, можно было бы посвятить специальный раздел. Надо полагать, что фольклор коми народа как источник характеристики различных сторон его мировоззрения мог бы послужить материалом для написания раздела о вольнодумстве уже в период феодализма, а не только во время его разложения.

Ярко выраженные антиклерикальные выступления, свободомыслие и атеистические настроения среди народных масс в нарождающейся буржуазной интеллигенции связываются в книге с проникновением капитализма на северные окраины России, с ростом революционной борьбы российского рабочего класса, с распространением революционных идей среди трудящихся масс. В книге обстоятельно показана большая роль в этом отходничества и влияния политических ссыльных. Ослабление веры в бога, в святость церкви, упадок «благочестия» среди простых людей были связаны с ростом политического сознания трудящихся, с надвигающейся пролетарской революцией. В книге показана большая роль этнокультурных связей в этом процессе, раскрыты влияние антиклерикальных настроений русского народа на развитие атеизма народа коми.

Пятая глава книги посвящена развитию массового атеизма в Коми АССР за годы Советской власти. Автор детально останавливается на открывшихся после победы Октябрьской социалистической революции объективных предпосылках отхода народных масс от религии, показывает роль идеологической работы, проводившейся под руководством партийных и советских организаций среди трудящихся республики в годы социалистического строительства.

В специальном разделе автор выявляет особенности атеистического воспитания на современном этапе, анализирует состояние и специфику религиозных пережитков в республике, дает практические предложения по преодолению религиозных взглядов, бытующих еще в сознании некоторой части советских людей.

В работе выявлена контрреволюционная роль религиозных организаций, их связь с эксплуататорскими классами в первые годы Советской власти, выясняются причины, формы и особенности политической переориентации православных, старообрядческих и сектантских общин в Коми АССР в наше время. Автор делает справедливый вывод, что модернизация религиозных организаций не ведет к изменению их реакционной сущности.

Значительное место в работе уделено процессу освобождения коми трудящихся из-под влияния религиозной идеологии. Автор отмечает, что этот процесс на различных этапах развития социалистического общества имел свои отличительные особенности и по-разному протекал в тех или иных социально-демографических категориях людей. Используя свои предшествующие публикации, специально посвященные данному вопросу, а также дополнительные исследования, Ю. В. Гагарин характеризует как внешние, так и внутренние процессы секуляризации сознания народа коми в современных условиях.

К недостаткам рецензируемой книги надо отнести некоторую перенасыщенность ряда ее разделов фактическим материалом. Отдельные формулировки и положения, высказанные в ней, требуют дополнительного уточнения и развития.

В целом же надо сказать, что издательство «Наука» выпустило ценную и полезную книгу.

Я. Н. Безносиков

Э. Б. Овалов. Поэма о поражении свирепого Хара Киняса в эпосе «Джангар» (Основные образы и поэтические особенности). Элиста, 1977, 78 стр.

Автор этой небольшой книги, фольклорист-этнограф¹, по сути сумел затронуть почти все главные проблемы современного джангароведения, сфокусировав их вокруг одной из наиболее значительных песен «Джангара». Он анализирует как идейную сторону этого грандиозного эпического произведения калмыцкого народа, так и его поэтическую форму. Э. Б. Овалов сам подчеркивает эту установку своей работы в предисловии: «Взяв за основу исследования одну из основных поэм „Джангара“, в то же время держа в поле зрения весь эпос, проецируя на него в нужный момент анализируемый материал, нами сделана попытка рассмотреть ряд вопросов джангароведения: идейное содержание и образы героев, сюжет и композицию, такие основные стилистические особенности, как типические „общие места“ и изобразительные средства» (стр. 4). Автор видит свою задачу при рассмотрении поэтических особенностей «в выявлении их связей с идейным замыслом поэмы и показе характера их применения» (стр. 35).

Э. Б. Овалов нашел возможным взять как объект анализа отдельную «поэму», или «песнь» «Джангара», по-видимому, потому, что он склоняется к мнению тех исследователей, которые считают «Джангариаду» циклом поэм (Г. Д. Санжеев, Г. И. Михайлов),

¹ Два варианта поэмы записаны Э. Б. Оваловым совместно с другими сотрудниками Калмыцкого НИИЯЛИ — Н. Е. Сангаджиевой и Н. Ц. Биткеевым в 1971 г.